

תמונות

PANORAMA ISRAELI
Jerusalem

1988 תמונות 15

ВСПОМНИ ТВОИХ ПРЕМЬЕРОВ, ИЗРАИЛЬ

Амос Левав

За сорок лет существования государства в Израиле сменилось восемь премьер-министров. Были они людьми непохожими друг на друга, каждый — со своим особым характером и стилем руководства и принадлежали к разным политическим группировкам: шестеро — к "левому" лагерю, двое — к "правому". Тем не менее в их судьбах есть нечто общее: они все уходили со своего высокого поста с чувством разочарования. Все — от Бен-Гуриона до Бегина. С Шаретом, Голдой и Рабином посредине. Итак, от Бен-Гуриона до Бегина. Один — создатель государства, другой — автор мира с Египтом. И еще шесть премьеров было у нас в промежутках. Некоторыми из них восторгались во время пребывания у власти, других оценили только задним числом. Никто не избежал ошибок. Среди них возникало соперничество, что иногда сопровождалось неприкрытой враждой (те же Бегин и Бен-Гурион). Почти каждый, покидая свой пост, испытал горечь разочарования. К моменту ухода в отставку, как правило, о лавровых венках говорить уже не приходилось. Недаром Моше Даян сетовал на то, что израильтяне — народ неблагодарный и своим лидерам ничего не спускает. В одном, впрочем, израильтяне отдают главам правительства должное: все они — каждый избрав для этого свой собственный путь — заботились в первую очередь о благе страны. И у всех у них есть одно крупное достижение: Израиль празднует сорокалетие. У простых смертных это годы зрелости, но когда речь идет о государстве, — то можно говорить лишь о совершеннолети. Со всеми свойственными этому возрасту проблемами.

ДАВИД
БЕН-ГУРИОН

Давид Бен-Гурион родился в польском местечке Плонск. В свое время он возглавлял Еврейское Агентство и переходное правительство в Палестине. 5 ияра 5708 года, по традиционному еврейскому календарю, он провозгласил своим громким, чуть резковатым голосом образование независимого Государства Израиль и создание Временного правительства, которое сам и возглавил. То был для него подлинный жизненный пик. Но История не дала этому невысокому энергичному человеку почтить на лаврах. Уже на следующий день он принял на себя руководство только что созданной армией, малочисленной и неопытной, которая должна была защитить страну от вторжения регулярных армий арабских стран.

В 1953 году Бен-Гурион вышел из правительства — по своему обыкнове-

нию, как следует хлопнув дверью, — и поселился в Негеве, в кибуце Сде-Бокер. Затем он вновь возглавил правительство и в 1956 году руководил Армией обороны Израиля во время Синайской кампании.

Но этими победными страницами не исчерпывается политическая биография нашего первого премьера. Взять хотя бы конфликт в связи с так называемым "каирским делом". Не все теперь помнят, а некоторые для этого просто слишком молоды, что в 1954 году в столице Египта была разоблачена агентурная сеть, действовавшая по заданию Израиля. Агенты занимались организацией актов террора против американских учреждений в Каире. Цель: обострение отношений между США и Египтом. Двое из членов группы были казнены. Остальные осуждены на длительные сроки тюремного заключения.

И это не единственный источник трений. Многие ветераны до сих пор не могут простить ему роспуск Пальмаха и создание партии Рафи, расколовшей партию Труда (тогдашнюю Мапай). Обвиняют его и в попустительстве студентам ортодоксальных иешив, в том, что он узаконил их освобождение

от несения военной службы.

Но проходят годы, усиливается ностальгия по "старым добрым временам", и мы готовы теперь помнить только достижения Бен-Гуриона. Ежегодное паломничество на его могилу в Сде-Бокере всегда выплывает в сентиментальное излияние чувств, свидетельствующее о тоске по лидеру бен-гурионовского масштаба.

Это дру Йосефу Бургу принадлежат слова о том, что наш первый премьер был "гигантом, определившим судьбу отдельных людей и всей нации". Бург состоял членом всех израильских правительств и кому, как не ему, судить о сравнительных достоинствах премьер-министров.

Ну, а каков был Бен-Гурион в личном плане? После беглого знакомства с посвященным ему морем книг и статей возникает образ человека, лишеного чувства юмора, чрезвычайно неприхотливого и простого в обращении. Домработница Давида и Поли, верой и правдой служившая им в течение 20 лет, рассказывала, что наиболее бросающейся в глаза чертой характера Бен-Гуриона было желание ни в коем случае не причинять беспокойства: "То, что он мог сделать сам, предпочитал всегда делать сам — только бы не обращаться ни к кому с просьбами". Что ж, некоторые скажут, что и государство наше он создал по существу в одиночку.

МОШЕ
ШАРЕТ

Когда Бен-Гурион удалился в Сде-Бокер, его место занял Моше Шарет, которого, естественно, все сравнивали с предшественником. И это чрезвычайно усложняло руководство правитель-

ством: трудно принимать решения, когда над тобой постоянно нависает плотная тень бывшего премьера, который оттуда, из своего негевского далека, не спускал с Шарета глаз, можно сказать, дышал ему в затылок. И вот человек, преуспевший до того на поприще внешней политики, интеллектуал, обладающий блестящими данными для анализа политической ситуации, вынужден был все время доказывать собственному же окружению, что выбираемый им путь — правилен.

Противники утверждали, что он попросту слаб, подвержен излишним сомнениям и лишен качеств настоящего лидера.

И тут опять проводилось убийственное сравнение с предшественником, с которым Шарет и вправду имел мало общего, хотя надо признать, что некоторые высказывания Шарета звучат поразительно точно и актуально по сей день, свидетельствуя о его прозорливости.

Йосеф Бург так вспоминает о Шарете: "Он представлял собой разительный контраст Бен-Гуриону. Было такое впечатление, что в класс, где заболел преподаватель, прислали заменяющего. Раньше у нас был строгий, придирчивый воспитатель, а вместо него пришел учитель совсем другого нрава, и дисциплина сразу начала хромать".

История оказалась к Шарету несправедливой. Надо же такому случиться, что именно этот мягкого нрава человек оказался втянутым в конфронтацию с завзятым полемистом вроде Бен-Гуриона. Человек, славившийся строгостью мышления, пытался с помощью рациональных методов справиться с явно иррациональной действительностью. Сегодня на его роль в истории Израиля уже смотрят по-другому, а тогда, в 1955 году, Шарет вынужден был уступить место вернувшемуся к руководству страной Бен-Гуриону. Много лет спустя Йосеф Бург скажет: "Никогда не забыть мне выражения страдания на лице Шарета, объявляющего о своем уходе в отставку".

ЛЕВИ
ЭШКОЛ

История оказалась неблагоприятной и к Леви Эшколу, следующему преемнику неповторимого Бен-Гуриона. Можно сказать, что, заодно с Историей, сказались тут и общественное мнение. Многие до сих пор помнят бесконечные анекдоты, иногда довольно злые, ходившие о бывшем министре финансов, ставшем главой правительства. Не забылась и его невнятная речь по радио накануне 5 июня 1967 года, когда уже проведена была мобилизация и нация в тревоге ожидала надвигающуюся войну. Существуют, разумеется, всевозможные объяснения. Говорят, что он приехал в студию очень усталый. Или что забыл дома очки. Странно, все заикнулись на его запинках и мало кто запомнил, о чем он, собственно, говорил. А сказано тем временем было следующее: "Мы не собираемся нападать ни на одну страну, если она первая не начнет против нас войну. Но пусть знает любой агрессор, что мы находимся в полной боевой готовности защитить себя и нанесем ему сокрушительное поражение".

Теперь все говорят, что Эшкол был мудрейшим человеком. Сегодня по достоинству оценено его решение уступить пост министра обороны Моше Даяну — и это после того, как именно он, Эшкол, вместе с тогдашним начальником Генштаба Ицхаком Рабином, заложил основу грандиозной победы в Шестидневной войне. Теперь-то его оценили, а вот в свое время... Лишь никогда не покидавшее Леви Эшкола сочное чувство юмора помогло этому мудрецу в образе еврейского дедушки примириться с нападками публики.

Трудно пока что объективно оценить значение проводившегося премьер-

ром курса — слишком малый исторический отрезок отделяет нас от его времени. Многие считают, что именно тогда, в 67-м, были посеяны первые семена будущего мира с Египтом.

Как ни странно, но самым резким нападкам Леви Эшкол подвергался со стороны Бен-Гуриона, то есть того, кто привел его к власти. Имеется в виду все тот же скандал вокруг "каирского дела". "Ну что он хочет от меня, что ему надо?" — с тоской повторял Эшкол. Но линию свою гнуть продолжал, не отступался. Он вообще ни перед кем не тушевался, даже перед генералами, хотя от армейских дел, по самому складу личности, был далек. Что ж, можно сказать, что в конце концов справедливость восторжествовала: на сегодняшний день из всех наших бывших лидеров он пользуется, пожалуй, наибольшей симпатией. Жаль только, что любовь народная как всегда несколько запоздала. Признание пришло — как это бывает с оценкой творчества больших художников — только после смерти.

ГОЛДА
МЕИР

Потом была Голда Меир. Все ее всегда называли просто по имени. На знаменитом предвыборном плакате партии Труда в 1969 году был ее большой портрет и одно только слово: ГОЛДА. "Она была выдающейся личностью и поистине великой женщиной", — скажет потом о ней Йосеф Бург.

В должность премьер-министра она вступила после кончины Леви Эшкола. Вступила с трепетом, хоть прежде уже довелось ей возглавлять министерства труда и иностранных дел. Когда ее приводили к присяге в Кнесете, Голда уже знала о гнездившейся в ее теле болезни:

раке лимфатических желез. 15 лет она и болезнь были неразлучны. И все-таки она приняла на себя эту тяжкую ношу, встала во главе правительства в трудные дни "войны на истощение". А когда в 73-м Израиль застало врасплох нападение арабов и мужчины из ее окружения поговаривали о возможном "разрушении Третьего Храма", Голда стояла непреклонно, как скала. Хотя потом — до самой смерти — не могла освободиться от травмы первых дней, когда арабские армии прорвали наши линии обороны.

Комиссия Аграната, расследовавшая ошибки, допущенные в преддверии войны, одобрила действия премьер-министра, отметив среди прочего, что "она (Голда) проявила здоровый инстинкт, совершенно разумно настояв на скорейшей мобилизации резервистов, несмотря на то, что имелись серьезные возражения политического характера против такого шага. Таким образом, она внесла чрезвычайно важный вклад в дело обороны страны".

И все-таки Голду мучила совесть. Она еще оставалась премьером до тех пор, пока не было подписано на 101-м километре Каирского шоссе соглашение о прекращении огня и созыве Женевской конференции по Ближнему Востоку. Даже выставила свою кандидатуру на выборах и сформировала очередное, 17-е по счету, правительство Израиля. Но после опубликования отчета комиссии Аграната сразу подала в отставку.

Итак, начальный период ее пребывания у власти совпал с эпохой безмятежности, затем последовала жестокая и судьбоносная война, а потом пришла пора извлечения уроков. И тут все совсем не однозначно. Немало людей считают, что именно на полях сражений войны Судного дня проросли первые побеги будущего мира с Египтом. Во всяком случае, никто не оспаривает того факта, что Голда была выдающимся руководителем, оставившим глубокий след в сознании народа и истории

страны. Не говоря уж о том, что она обогатила политический лексикон новым важным понятием: кухня. Именно там, на ее знаменитой кухне, встречались ключевые политические деятели эпохи и именно там, говорят, принимались все важнейшие решения.

ИЦХАК
РАБИН

На смену Голде пришел Ицхак Рабин. Исходные данные у него были идеальные: он принадлежал к новому, сравнительно еще молодому поколению лидеров, был уроженцем страны. В свое время старший командир в Пальмахе, начальник Генштаба во время Шестидневной войны и потом — посол Израиля в Вашингтоне... Соль, можно сказать, этой земли. А вот мнение Йосефа Бурга: "Рабин, только появившись в правительстве, мог уже априори рассчитывать на широкую поддержку. Это потом советники сбили его с толку".

Бург имеет в виду один конкретный совет, в соответствии с которым Рабин решил вывести из состава кабинета министров представителей партии Мафдал после того, как последние проголосовали за вынесение вотума недоверия правительству. Религиозных членов кабинета рассердило, что самолеты F-15, заказанные Израилем, прибыли в страну и приземлились на аэродроме после начала субботы.

Но свалил Рабина скандал совсем иного рода: неожиданно открылось, что у его жены есть хоть и маленький, но в то время считавшийся незаконным банковский счет в Вашингтоне. Премьер вынужден был уйти в продолжительный отпуск, а его функции вплоть до следующих выборов исполнял Шимон Перес, натянутые отношения которого